

ГЛАВА 1 МАМА + ДЕВОЧКА

Они появились в городе на рассвете. Мама и девочка. Улицы были пусты, и дрожащий предрассветный туман ещё не поднялся, чтобы рассеяться в осеннем воздухе, когда их чёрная машина с помятой дверцей промчалась к центральной площади и остановилась у памятника молодому мятежному поэту.

Маме и девочке понадобилось всего несколько минут, чтобы свериться с картой-навигатором и выбрать нужное направление. Так что скоро машина покинула площадь и теперь двигалась в сторону окраин.

С моря подул ветер, в клочья разорвал туман, который заметался среди каменных стен и заборов. Хлынувший из тяжёлой тучи дождь принялся вбивать его в асфальт, и туман запузырился в широких лужах, только так и напоминая о себе.

ДЕВОЧКА-ТАЙНА

Но чёрная машина продолжала свой бег. Сквозь стену дождя мама и девочка осматривали дома и коттеджи, которые были унылы и пусты — курортный сезон давно завершился.

Закончился и город. Дорога пошла вдоль моря, показался один пригородный посёлок, другой. Машина промчала их без остановки. И теперь путь её пролегал по тряской степной дороге. Туда, где за пеленой дождя угадывалось ещё какое-то жильё.

* * *

...По стеклу сбежали быстрые капли. Оля Соколова сидела за кухонным столом и, гоня ложкой лимон в чашке чая, грустно смотрела в окно. Утро не радовало разнообразием. Так начинался уже не первый день — тоскливым дождём. А чего ещё ожидать осенью в маленьком городке? Всё предсказуемо, всё уныло и плоско — плоское море и плоская степь. Серое небо — тоже плоское, над ними. Ну, иногда даже не серое, а почти чёрное, с дождевыми и снеговыми тучами, которые часто сталкивались между собой и, чтобы удержаться в воздухе, сбрасывали на город балласт — такой же безрадостный и закономерный предзимний град. Ну что за осень?

Оля прижала дольку лимона к стенке чашки и вздохнула. Что делать осенью в та-

ком тоскливом краю? В Москве осень красива и поэтична — берёзы роняют золотые листья, клёны роняют красные, ветер носит их по улицам, игриво бросает в руки прохожих... Где-нибудь в Калифорнии осень — это только даты на календаре, так что люди продолжают радоваться солнцу и лёгкой летней одежде. А в Лапландии, где уже давным-давно залегли искристые снега, жизнерадостные финские подданные в ярких вышитых шубах весело катаются на оленьих упряжках и снегоходах. Всё понятно, всё чётко — и только в маленьком городишке, откуда вместе с летом уходит радость, некуда деться от уныния.

— Оля, не опоздай в школу! Пора. Обязательно застегни куртку, не модничай. Зонт не забудь. И лимон съешь — витамин С, сама знаешь.

Это мама. Заботится об Олином здоровье — всё так же, как в прошлом году, как и все пятнадцать лет подряд, со времён появления Оли на свет. Конечно, Оля не забудет. Оля любит свою маму, так что зачем её огорчать?

С этой мыслью девочка выловила из чашки дольку лимона, аккуратно выкусила кислосладкую мякоть из полукруга кожуры. Ух! Прошибло до самых мозгов! Оля улыбнулась — старый проверенный мамин способ её взбодрить. Подействовал, конечно, снова

подействовал. Девочка допила остатки чая, вымыла чашку — и в кухне появилась мама.

— Кстати, папа тебя подвезёт, — улыбаясь и целуя Олю, сказала она. — Только что подкатил к подъезду. Давай-ка, бегом! И зонт всё равно возьми!

Вот это было приятно. Обычно папа выходил из дома тогда, когда Оля только поднималась с кровати. А тут...

Унылое дождливое утро перестало быть унылым. Девочка Оля умела радоваться. Вихрем слетела она по ступенькам, забралась в машину, чмокнула папу в щёку — и они поехали к школе. Вдоль улиц, которые обычным утром Оля прошла бы пешком — под дождём и по лужам. Красота!

* * *

— Мама, ну сколько можно — каждый день одно и то же, одно и то же! Не порть мне настроение с утра.

— Девочка моя, ну кто же о тебе позаботится, если не я? Послушай меня, послушай! С сыном Натальи Борисовны тебе нужно — просто обязательно нужно познакомиться. Они придут к нам в субботу чай пить. Поговорите, пообщаетесь. Может, найдутся общие интересы.

— Это бредовая идея, мама. Я уже знакомилась с сыном Софьи Олеговны — по-

мнишь? И что? Дурак дураком, к тому же толстый и страшный.

— Красавцев, моя девочка, уже давно разобрали. А что дурак — так ты сама же у нас умная, вам на двоих хватит.

— Очень смешно, мама!

— Нам с тобой уже не до смеха...

— Это почему?

— Сама догадайся. И посмотри на свою сестру — она-то всё в жизни успела. В твои годы у неё уже...

— Мама!

— А ты только книжки мастер читать. И из дома тебя, кроме как на работу, просто не выпрешь! Так и просидишь всю жизнь кашнёй, так всё и упустишь!

— Мама!

— Я правду говорю — подумай!

— Ну мама же!!!

— Мариночка!

— Ну хорошо...

— Что — «хорошо»? Пусть приходят?!

— Да... И на этом всё, мама. Я опаздываю.

— Конечно, конечно!

Таким разговором началось очередное утро. Туго зашнуровав модельные ботиночки, застегнув куртку и набросив ремень сумки на плечо, Марина вышла под дождь. Раскрыла зонт и зашагала, обходя лужи. Она знала, что, замерев у окна, мама смотрит ей

вслед. И переживает — за то, как сложилась, вернее, не сложилась жизнь её девочки. И надеется — на её непременно счастье с сыном пресловутой Натальи Борисовны.

Но сейчас Марину, а точнее, Марину Сергеевну, учительницу, ждала работа — буйные, подмоченные осенним приморским дождём дети. Так что долой семейные проблемы, и — в бой!

* * *

Небольшой двухэтажный дом из почерневшего пиленого ракушечника, выщербленного ветрами и дождями, понравился им сразу. И маме, и девочке. Они обошли его вокруг, едва не соскользнув с раскисшей земли прямо в бушующие под высоким обрывом морские волны, постучали в толстые деревянные ворота, в маленькую дверцу, неожиданно обнаруженную ими в стене. Никого.

Мама и девочка не любили сдаваться. Они уселись в машину и поехали в обратном направлении. Вскоре показался курортный посёлок. Возле полуторазэтажного коттеджа, над достройкой которого трудились неутомимые рабочие, машина остановилась, мама и девочка выбрались на улицу и спросили у них, где можно найти хозяев того самого дома на берегу. После долгого разговора

под дождём кое-что прояснилось, и машина снова покатила вдоль посёлка. Лаяли собаки, выходили под дождь недовольные люди, а промокшие и усталые мама и девочка продолжали расспросы.

И нашлись — хозяева каменного дома нашлись! Пожилые супруги до самого лета не собирались сдавать свой уютный комфортабельный домик посреди курортного посёлка — и сейчас жили в нём сами. Но когда услышали, что у них просят снять тот старый рыбацкий дом на отшибе — и к тому же прямо сейчас, — удивились и оживились. Не теряя времени, мама и девочка пригласили хозяев в машину — и помчали их к дому на берегу.

Внутри дома оказалось хорошо, только холодно. Пока хозяин суетился с углём для печи и включал электрические обогреватели, хозяйка провела будущих жильцов по комнатам. Их оказалось немного — весь первый этаж занимала просторная кухня, сейчас заваленная разномастной мебелью, а наверху были две комнаты, и обе с выходом на террасу.

— Обычно мы тут летом живём, а сдаём тот дом, в смысле коттедж в посёлке, — сообщила хозяйка. — Комнаты то есть в нём сдаём. Там чистенько, аккуратно, все удобства, евроремонт. От него и до рынка близко, и до пляжа пять минут ходьбы. Может,

ДЕВОЧКА-ТАЙНА

вы всё-таки в коттедже комнаты снять хотите? Весь второй этаж можем сдать, возьмём недорого — несезон ведь. Или...

— А что раньше было в этом доме? — спросила мама, отрицательно качая головой — и тем самым отвергая предложение жить вместе с хозяевами в новом уютном коттедже посреди посёлка.

А раньше здесь жили рыбаки. В длинных сараях, которые когда-то были выстроены вдоль дома, но теперь почти все оказались снесены за ненадобностью, хранились лодки, складировались сети. А на берегу моря сети растягивали для просушки и починки. На первом этаже дома, в кухне, было что-то вроде конторы, где рыбаки, что приезжали и приходили на свой промысел из посёлков, отдыхали в ненастную погоду и отчитывались руководителям рыболовной артели. Когда артель прекратила существование, дом, построенный ещё до революции, остался за семьёй старшего артельщика. Со временем одно поколение семьи сменило другое, лодки гнили в сараях, вокруг дома появились огороды, куры забегали по двору. Но скоро и это хозяйство стало никому не нужно — следующее поколение хозяев рыбацкого дома выбрало другой способ выживания. Так в пригородном посёлке возник коттедж для курортников, возле которого подрастал небольшой, но уютный садик. Одинокий мрач-

ный дом на отшибе стал служить временным пристанищем хозяевам в месяцы массового наплыва отдыхающих. И складом в межсезонье.

Но теперь ему вновь предстояло быть обитаемым.

— Плохо печь топится. А обогреватели электричества много съедают, — развёл руками хозяин, завершивший дела по налаживанию отопления. Печь дымила и коптила, но электрические калориферы работали хорошо, и скоро стало теплеть.

— Отлично, будем топить электричеством, — согласилась мама.

Девочка в переговорах не участвовала.

— Дорого, — вздохнула хозяйка.

Мама, которой и предстояло платить за дорогое тепло, улыбнулась и пожала плечами:

— Ну, значит, будем греться дорого.

Хозяева переглянулись и закивали.

— Так надолго вы к нам? — ещё раз уточнил хозяин.

— Как понравится, — ответила мама и предложила заплатить деньги за несколько месяцев вперёд.

Но всё ещё удивлённые странной сделкой хозяева рекомендовали не рисковать: приняли деньги только за один месяц.

— Если не понравится — съедете отсюда со спокойной душой и найдёте себе

ДЕВОЧКА-ТАЙНА

что-нибудь получше. Да и нам спокойнее будет, — так сказали они. — А приживётесь — тогда будем и дальше рассчитывать.

И новые жильцы согласились.

ГЛАВА 2 ГОТЫ В ГОРОДЕ!

Гликерия. Её звали Гликерия — новенькую девочку, которая появилась на первом уроке в десятом «А» классе. Её привела директор школы, назвала имя-фамилию и оставила. А сама умчалась — у неё тоже был сейчас урок.

Марина Сергеевна, классная руководительница десятого «А» и одновременно учитель физики, торопилась начать новую сложную тему, а потому быстренько пожелала девочке Гликерии хорошо учиться, поскорее адаптироваться в коллективе и предложила сесть за пустовавшую сегодня парту — третью в среднем ряду. Новенькая послушалась и расположилась там.

Событие! Новенькая в классе — это же всегда событие! На Гликерию внимательно смотрели, пока она шла к предложенной парте, пока садилась и вытаскивала вещи из рюкзака. И когда Марина Сергеевна объясняла новую тему, тоже смотрели.

А потому многие были очень даже невнимательны.

— Что же вы меня не слушаете? — возмутилась учительница, устав наблюдать за тем, как взгляды её учеников скашиваются в сторону от доски. — Да что с вами такое, десятый «А»? Никак, что ли, не раскочуетесь после каникул?

Осенние каникулы закончились меньше недели назад, так что это вполне могло быть правдой.

«Да, никак мы не раскочуемся!» — охотно закивали ребята. И продолжили наблюдать.

А новенькая Гликерия не делала ничего особенного. Она просто сидела за партой и просто смотрела — на доску, на развешанные по стенам наглядные пособия, портреты прославленных физиков и самопальные ученические газеты, которыми увлекались в десятом «А». Иногда девочка останавливала взгляд и на своих новых одноклассниках — но, как отметил про себя каждый наблюдатель, нечасто.

Выглядела Гликерия... Выглядела она, так уж выглядела! Оля Соколова, которой новенькую было очень хорошо видно, — она сидела на соседнем ряду как раз наискосок, — не переставала удивляться. И с уверенностью могла сказать, что похожих личностей в их школе точно не было. Ну надо же!

